

Тимур Бек

Возвращение в замок "Вольфенштайн"

Тимур Бек

**Возвращение в замок
«Вольфенштайн»**

«Автор»

2026

Бек Т.

Возвращение в замок «Вольфенштайн» / Т. Бек — «Автор»,
2026

Замок Вольфенштайн хранит тайны, способные изменить ход истории. Когда американский агент Бласковиц крадет секретные чертежи нацистов, за ним начинается охота, выходящая за рамки человеческого понимания. От застенков замка до заснеженных перевалов Швейцарии — Би-Джею предстоит узнать, что «Громовержец» был лишь прикрытием для чего-то более масштабного и пугающего. Война только начинается.

© Бек Т., 2026

© Автор, 2026

Тимур Бек

Возвращение в замок "Вольфенштайн"

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАМОК ВОЛЬФЕНШТАЙН

Вступление: Тень над Европой

1943 год. Машина войны Третьего рейха, вопреки поражениям на Восточном фронте, продолжает искать способы обмануть судьбу. В глубоком тылу, за высокими пиками австрийских Альп, Генрих Гиммлер развернул деятельность, о которой не знают даже многие высшие чины вермахта. Паранормальная дивизия СС под руководством обергруппенфюрера Марианны Блаватской и безумного гения Вильгельма Штрассе, известного как Тотенкопф, превратила древние крепости в лаборатории смерти.

Замок Вольфенштайн – мрачный колосс из камня и страха – стал сердцем этих изысканий. Здесь археология смешивается с генетикой, а древние проклятия – с передовыми технологиями машиностроения. Разведка союзников долго считала слухи об «Убер-солдатах» и оживлении мертвецов лишь плодом воспаленного воображения перебежчиков, пока из Германии не перестали возвращаться лучшие агенты.

Глава 1. В каменном мешке

Холодная вода мерно капала с потолка, разбиваясь о бетонный пол с оглушительным в пустой тишине звуком. Уильям Джозеф Бласковиц висел на цепях, едва касаясь носками сапог ледяной поверхности. Его тело ныло от побоев, но разум оставался кристально чистым, отсчитывая секунды между обходами охраны.

Дверь в допросную камеру со скрипом отворилась. Тяжелые шаги кованых сапог эхом отозвались от сводчатых стен.

– Наш гость всё еще молчит? – раздался резкий, сухой голос.

– Так точно, герр доктор. Агент из «УСС» оказался на редкость выносливым, – ответил охранник, звякнув ключами.

Бласковиц медленно поднял голову. Сквозь заплывший глаз он видел лишь силуэт человека в длинном кожаном плаще и белом халате, испачканном чем-то темным.

– Знаешь, Уильям, замок Вольфенштайн не любит чужаков, – доктор подошел ближе, и в тусклом свете лампы блеснул скальпель. – Его стены помнят ритуалы, которые проводились здесь задолго до того, как твои предки научились держать плуг. Ты станешь отличным материалом для моего проекта.

Би-Джей сплюнул кровь на сапог палача и едва заметно усмехнулся.

– Вы слишком много болтаете, док, – хрипло проговорил он. – В моем подразделении за такую болтливость отправляют на курсы переподготовки.

– О, у тебя еще остался юмор? – эсэсовец наклонился к самому уху американца. – Скоро ты будешь молить о том, чтобы просто уметь кричать. Ганс, подготовь инструменты. Я скоро вернусь.

Когда дверь за врачом захлопнулась, охранник по имени Ганс лениво потянулся за дубинкой. Времени на методичное распатывание больше не оставалось – Би-Джей понимал, что как только охранник подойдет вплотную, любой рывок станет бессмысленным. Либо он освободится сейчас, на пике адреналина, либо «инструментальная» часть допроса, обещанная доктором, превратит его в послушную куклу или труп.

Стиснув зубы до боли, он вложил все остатки сил в рывок.

– Зря ты его злишь, американец, – лениво бросил Ганс, приближаясь. – Из этой башни еще никто не выходил на своих двоих.

– Всегда бывает первый раз, – прошептал Бласковиц.

Цепь на левом запястье отозвалась резким, сухим хрустом металла – старое звено наконец сдалось. Ганс замер на полушаге, его глаза расширились от неожиданности, но инстинкты охранника сработали быстрее разума. Он взмахнул дубинкой, целясь Бласковицу в висок.

Уильям качнулся в сторону, пропуская удар мимо, и, используя инерцию собственного веса, обрушил сомкнутые кулаки на затылок солдата. Глухой удар, хрип, и тело немца мешком осело на каменный пол.

– Слишком медленно, Ганс, – выдохнул Би-Джей, тяжело опускаясь на колени рядом с обмякшим телом.

Его пальцы, привыкшие к оружию, быстро обшарили пояс охранника. Тяжелый «Люгер» P08 лег в ладонь как влитой. Холодная сталь вернула чувство уверенности. Рядом на связке висел ключ от кандалов и запасной магазин.

Би-Джей не собирался уходить один. Согласно плану, Кесслера должны были держать в блоке 4-В, и каждая секунда промедления уменьшала их шансы выбраться из этого каменного мешка живыми.

Игнорируя вспышки боли в ребрах, он почти бесшумно добежал до нужной камеры. Руки действовали на автомате: нужный ключ вошел в скважину с тяжелым, маслянистым щелчком. Бласковиц навалился плечом на дубовую дверь, готовясь либо подхватить раненого товарища, либо вырубить очередного охранника внутри.

– Кесслер, это я, уходим! – выдохнул он, врываясь в полумрак помещения.

Но ответа не последовало. Кесслер сидел на деревянном стуле в центре комнаты, неестественно откинув голову назад. Его рубашка была залита кровью, а глаза, остекленевшие и пустые, смотрели куда-то в потолок. Попытки Тотенкопфа оказались быстрее, чем Бласковиц.

– Черт бы тебя побрал, Кесслер... – прошептал Уильям, стискивая зубы так, что заскрипели челюсти.

Сзади раздался резкий лязг железа и сдавленный возглас. Бласковиц мгновенно развернулся на пятках, вскидывая «Люгер». В дверном проеме стояли двое охранников в черной форме СС, один из которых как раз тянулся к кобуре.

– Бласковиц!... – выкрикнул тот, что стоял ближе.

Договорить он не успел. Палец Бласковица плавно нажал на спуск. Сухой хлопок выстрела эхом ударил по стенам камеры, и пуля калибра 9 мм угодила эсэсовцу точно в переносицу. Солдат дернулся и рухнул назад, зацепив плечом своего напарника.

Второй охранник, совсем еще мальчишка с мертвенно-бледным лицом, на мгновение застыл, глядя на обмякшее тело напарника. Однако шок длился лишь секунду – вбитые на полигонах инструкции взяли верх над ужасом. Он не стал тратить время на заведомо проигрышную дуэль с агентом, который уже держал его на мушке. Резко развернувшись, солдат бросился в коридор, стремясь как можно скорее добраться до ближайшего поста связи. Его целью был не спасительный выход, а протокол: при обнаружении беглого агента – немедленно активировать общую тревогу.

Бласковиц выжал спуск, но пуля лишь высекла искру из каменного косяка в том месте, где секунду назад была голова беглеца.

Тяжелый топот кованых сапог начал стремительно удаляться, эхом отражаясь от сводов. Бласковиц бросился к выходу, надеясь перехватить дезертира, но опоздал. В дальнем конце галереи лязгнула металлическая заслонка, и замок содрогнулся от пронзительного, воющего звука сирены. Воздух в одно мгновение наполнился тревожным гулом, возвещающим о том, что охота началась.

– Проклятье, – процедил сквозь зубы Би-Джей, прижимаясь спиной к холодной стене и проверяя остаток патронов в магазине.

Сирена выла надрывно, заполняя каждый уголок замка дребезжащим гулом. Бласковиц понимал: через минуту этот коридор превратится в ловушку. Взгляд его метнулся к стене, где рядом с камерой Кесслера чернел зев технического люка. Чугунная заслонка была покрыта слоем многолетней ржавчины, но выбора не оставалось.

Ударом приклада «Люгера» Би-Джей сбил засов. Оттуда пахло сыростью, затхлой соломой и чем-то приторно-сладким, напоминающим запах гниения. Бласковиц нырнул в узкое отверстие, чувствуя, как холодный металл обдирает плечи.

Спуск был крутым и скользким. Он пролетел несколько метров вниз, приземлившись на груды тряпья и каких-то костей, которые с сухим хрустом лопнули под его весом. Вокруг воцарилась относительная тишина, лишь отдаленный вой сирены пробивался сквозь толщу камня.

– Ну и дыра, – прошептал Уильям, поднимаясь и отряхивая пыль с куртки.

Он зажег зажигалку, найденную в кармане убитого охранника. Тусклый огонек выхватил из темноты низкие своды подземелья. Это были древние казематы, построенные еще в Средневековье, поверх которых нацисты возвели свои бетонные лаборатории. Стены здесь были покрыты странными рунами, а в нишах стояли запечатанные свинцом ящики с эмблемами Паранормальной дивизии.

Впереди, в глубине туннеля, послышался странный звук – не то скрежет когтей по камню, не то тяжелое, прерывистое дыхание.

Бласковиц замер, не сводя взгляда с тени в конце туннеля. Огонек зажигалки дрогнул от сквозняка, выхватывая из темноты серый китель с оторванным шевроном. Фигура двигалась неестественно, дергано, словно кости внутри были сломаны и неправильно срослись.

Раздался сухой, горловой хрип. Существо медленно повернуло голову, и Би-Джей невольно отшатнулся: вместо лица у «солдата» была лишь маска из запекшейся крови и обнаженных челюстей. В пустых глазницах не было и намека на разум – только холодный, потусторонний голод.

– Что за чертовщина... – прошептал Бласковиц, вскидывая «Люгер».

Тварь, услышав голос, мгновенно преобразилась. Она издала пронзительный вопль, от которого заложило уши, и с неожиданной прытью бросилась вперед, размахивая костлявыми руками. Уильям нажал на спуск.

Пуля попала существу в грудь, выбив облако темной пыли, но оно даже не замедлилось. Второй выстрел раздробил плечо, однако мертвец продолжал нестись на него, скрежеща зубами. Лишь третья пуля, вошедшая точно в лоб, заставила тело обмякнуть и с тяжелым плеском рухнуть в нечистоты у ног американца.

Бласковиц тяжело дышал, глядя на неподвижную грудку тряпья. Из раны на голове существа вытекала не кровь, а густая черная жижа, пахнувшая формалином и серой. В глубине туннеля, откуда пришла тварь, послышались ответные вопли – их было много.

Бласковиц поднял зажигалку выше, рассматривая тяжелую стальную решетку, перекрывавшую путь назад, к жилым ярусам. Она была заварена грубыми, поспешными швами и снабжена табличкой на немецком: "Опасность. Биологическое заражение. Сектор законсервирован".

Стало ясно, что эти туннели давно вычеркнули из планов замка. Для Паранормальной дивизии эти существа были лишь "списанным материалом" – побочным эффектом ранних, несовершенных опытов, который проще было замуровать в подземельях и забыть, чем уничтожать. Нацисты превратили фундамент Вольфенштайна в сточную канаву для своих неудач, и теперь Бласковицу предстояло пробираться через этот оживший кошмар, о котором предпочло забыть даже само руководство рейха.

Бласковиц понимал, что с семью патронами в магазине против толпы «списанного материала» он долго не протянет. Из темноты заброшенного сектора доносилось уже не одно, а

целая симфония хрипов и шаркающих шагов. В тусклом свете зажигалки его взгляд зацепился за штабель ящиков в нише, помеченных символами химической опасности и эмблемой Паранормальной дивизии.

– Раз уж вы решили превратить это место в помойку, – прошептал Уильям, срывая крышку с ближайшего ящика, – я устрою здесь генеральную уборку.

Внутри оказались стеклянные бутылки с техническим спиртом и несколько канистр с загущенным горючим для огнеметов. Идеальное сочетание для того, чтобы превратить узкий туннель в филиал ада. Би-Джей быстро соорудил несколько импровизированных запалов из грязного тряпья, на котором только что лежал.

Он не стал зажигать огонь сразу. Сначала Бласковиц аккуратно вскрыл ящики в глубине ниши, где воздух был суше и чище. Только когда он извлек запечатанные бутылки со спиртом и канистры подальше от основного прохода, до его ноздрей донесся резкий, бьющий в голову химический запах. Би-Джей понимал: чиркни он зажигалкой прямо сейчас в этом облаке испарений – и туннель превратится в гигантское дуло пистолета, где он сам станет пулей.

Двигаясь предельно осторожно, он перенес горючее на десяток шагов назад, к участку с лучшей вентиляцией. Только там, в относительной безопасности от случайного взрыва паров, он позволил себе высечь искру. Тусклый огонек зажигалки лизнул импровизированный фитиль, пропитанный маслом, и лишь когда тряпка устойчиво занялась пламенем, Бласковиц приготовился к броску.

Первая тварь показалась из тени – это был бывший офицер, чье лицо превратилось в маску из запекшейся крови. За его спиной маячили еще десятки силуэтов. Бласковиц чиркнул зажигалкой, поджег фитиль и с силой метнул бутылку прямо под ноги наступающей нежити.

Стеклянный грохот потонул в реве вспыхнувшего пламени. Огонь мгновенно охватил разлитое горючее, перекидываясь на сухую солому и истлевшие мундиры мертвецов. Туннель наполнился невыносимым жаром и визгом, который больше не напоминал человеческий.

Бласковиц закашлялся, прикрывая рот рукавом куртки. Едкий дым от горящих тел и химикатов быстро заполнял пространство, вытесняя остатки кислорода. Взгляд Уильяма метался по сводам в поисках спасения, пока он не заметил, как клочья дыма втягиваются в узкую прямоугольную отдушину под самым потолком.

– Пора на свежий воздух, – прохрипел он, подтаскивая один из пустых ящиков к стене.

Встав на шаткую конструкцию, Би-Джей дотянулся до края вентиляционного отверстия. Пальцы впились в холодный камень, а затем нащупали край металлической решетки. Рывок, еще один – и он, преодолевая боль в отбитых ребрах, втиснулся в узкий металлический зев.

Вентиляционная шахта была пыльной и тесной, но здесь дышалось гораздо легче. Поток прохладного воздуха бил в лицо, принося с собой запахи жареного мяса, кислого вина и сырости. Бласковиц медленно полз вперед, стараясь не шуметь. Через несколько метров он достиг развилки и заглянул сквозь щели очередной решетки вниз.

Его взору открылся просторный зал с массивными дубовыми бочками и длинными стеллажами, заставленными запыленными бутылками. Это были знаменитые винные погреба замка Вольфенштайн. Но внимание Уильяма привлекло не вино: у входа в погреб на массивном столе лежал оставленный без присмотра пистолет-пулемет МР-40, а рядом стоял открытый ящик с провизией.

Бласковиц замер у решетки, наблюдая за пустым погребом. Сирена наверху сменила тональность – теперь это был прерывистый, дисциплинированный сигнал, означающий начало планомерного прочесывания секторов. Он понимал: скоро кованые сапоги загремят и по этим ступеням.

Уильям бесшумно выдавил решетку и прыгнул на каменный пол, стараясь не тревожить вековую пыль. Его взгляд упал на ряды массивных бочек.

– Ну что, устроим дегустацию, – прошептал он.

Би-Джей действовал быстро. Он выбил затычки из нескольких нижних бочек, и густое, темное вино хлынуло на пол, смешиваясь с маслом из ламп, которые он предусмотрительно разбил у входа. Скользящая, липкая смесь мгновенно покрыла ступени и пространство у единственной двери. Это была идеальная «каток»-ловушка для тех, кто решит влететь сюда на полной скорости.

Едва он успел подхватить со стола МР-40 и проверить затвор, как сверху раздался крик и топот.

– Сюда! Проверить винные склады! – донесся резкий приказ на немецком.

Тяжелая дверь распахнулась. Трое солдат СС, вскинув автоматы, ворвались внутрь. Первый же из них, не ожидая подвоха, поскользнулся на винно-масляной луже и с грохотом повалился спиной на острый край стеллажа. Второй попытался затормозить, но врезался в напарника, теряя равновесие.

Бласковиц вышел из тени бочек. МР-40 в его руках ожил, выплевывая короткие, расчетливые очереди.

– Guten Appetit, парни, – процедил он.

Пули прошли грудь растерявшихся солдат прежде, чем они успели вскинуть свое оружие. Гулкое эхо выстрелов заметалось между сводами погреба, а запах пороха смешался с ароматом разлитого вина. Но Бласковиц знал – это были лишь разведчики. Основные силы гарнизона уже перекрывали выходы из подвала.

Бласковиц резко отпрянул назад, уходя за массивный дубовый остов бочки с надписью «1923». Толстое дерево, пропитанное десятилетиями выдержки, было надежнее любого бронежилета. Он прижал приклад МР-40 к плечу, чувствуя, как адреналин вытесняет усталость и боль от побоев.

– Вон он! За бочками! – раздался чей-то вопль сверху.

В дверной проем полетела «колотушка» – немецкая граната М24. Уильям нырнул еще глубже в тень, прикрыв голову руками. Взрыв сотряс погреб, обдав Бласковица щепой и пылью, но бочка выдержала, приняв на себя основной удар осколков. Как только звон в ушах немного утих, Би-Джей высунулся и дал длинную очередь по входу.

Пули выбивали каменную крошку, заставляя солдат СС прижаться к стенам снаружи. Бласковиц действовал расчетливо: он не выпускал весь магазин сразу, а бил короткими отсечками, как только в проеме мелькала тень или ствол карабина. Погреб превратился в смертельную ловушку. На скользком полу у входа уже образовалась груда тел, а разлитое вино, перемешанное с пороховой гарью, создавало тяжелый, дурманящий запах.

– Давай, заходи еще! – прорычал Бласковиц, меняя магазин. – В этих подвалах места хватит для всего вашего гарнизона!

– Вдруг он услышал, как сверху, сквозь массивные перекрытия, начал доноситься тяжелый, методичный стук – металл бил по камню. Бласковиц, прошедший не одну кампанию, мгновенно распознал этот звук. Это не была лихорадочная работа по минированию – всё подготовили заранее. Опасаясь, что «списанный материал» из заброшенных секторов может прорваться в жилые ярусы через старые своды погреба, нацисты предусмотрительно заложили заряды в ключевых точках фундамента. Саперам оставалось лишь вбить детонаторы в подготовленные гнезда и замкнуть цепь. Не сумев выкурить американца пулями, они решили активировать «протокол зачистки» и стереть погреб с лица земли вместе с незванным гостем.

– Решили снести дом вместе с гостем? – процедил Би-Джей, лихорадочно оглядываясь.

Стук прекратился, сменившись резкими выкриками команд на немецком и суетой отступающих от двери шагов. У него оставались считанные секунды. Оставаться за бочками означало оказаться заживо погребенным под тоннами гранита и дуба.

Бласковиц сорвался с места. Игнорируя скользкий пол, он рванулся не к выходу, который наверняка уже держали под прицелом пулеметов, а вглубь погреба, к стене, примыкающей к

скале. Если его расчеты были верны, именно там должен был находиться старый подъемник для бочек.

Сзади раздался оглушительный рев. Свод погреба дрогнул, и первая волна взрыва выбила дубовые пробки из бочек, превращая их в щепки. Каменная пыль мгновенно забила легкие, а потолок начал проседать с протяжным, жутким стоном.

Грохот за спиной слился в единый яростный рев. Ударная волна толкнула Бласковица в спину, бросая вперед, на грудь обломков. Воздух превратился в густую взвесь из каменной крошки и известковой пыли. Оглушенный, Уильям почувствовал, как по лицу течет что-то теплое, но времени вытирать кровь не было.

Он поднял взгляд и увидел, что один из древних фундаментных блоков, подмытый столетиями грунтовых вод и расшатанный направленным взрывом, вывалился наружу. В стене зиял неровный пролом, из которого в душный, пыльный ад подземелья ворвался спасительный холод ночного воздуха.

Бласковиц, кашляя и спотыкаясь, пролез через зазубренный проем. Секундой позже погреб за его спиной окончательно сложился, похоронив под тоннами гранита и элитные запасы вина, и тела убитых солдат.

Он оказался на узком скалистом выступе. Прямо перед ним разверзлась бездна. Замок Вольфенштайн стоял на вершине отвесного утеса, и сейчас, в свете вспышек далеких молний, Бласковиц видел лишь острые пихты далеко внизу и пенящийся горный поток.

– Из огня да в полымя, – прошептал он, прижимаясь спиной к мокрому камню.

Дождь мгновенно вымочил его одежду, делая скалу скользкой, как лед. Сверху, с парапетов замка, зашарили лучи прожекторов, разрезая ночную мглу.

Ветер хлестал в лицо, смешиваясь с ледяными струями дождя, когда Бласковиц заметил свою единственную надежду – толстый, покрытый оплеткой кабель. Он тянулся от распределительного щита на внешней стене замка куда-то вниз, теряясь в ночной мгле у подножия горы, где тускло светились огни нижнего блокпоста.

– Либо это, либо прыжок в никуда, – подумал Уильям.

Он сорвал брезентовый ремень со своего МР-40. Руки действовали быстро, почти инстинктивно. Он перекинул ремень через кабель, обмотав концы вокруг кистей так крепко, что ткань врезалась в кожу. Сзади, в глубине пролома, послышались крики – немцы уже обнаружили его путь отступления.

– С богом, – выдохнул он и оттолкнулся от скалы.

Мир превратился в безумный вихрь из свиста ветра, тьмы и летящих искр. Трение было колоссальным; ремень дымился, обжигая ладони, но Бласковиц лишь крепче сжимал зубы. Пропась под ногами казалась бездонной, а замок Вольфенштайн стремительно уменьшался, превращаясь в зловещий силуэт на фоне молний.

До земли оставалось не более тридцати метров, когда металл не выдержал. Старый кронштейн, расшатанный весом рослого десантника и порывами бури, с оглушительным звоном вылетел из стены замка. Кабель мгновенно провис, теряя натяжение.

Бласковиц почувствовал, как опора уходит из-под рук. Он летел вниз, в непроглядную черноту елового леса.

Глава 2: Проводник.

Последнее, что он помнил – холодный запах хвои и резкий удар, отозвавшийся острой болью в плече. Когда Бласковиц снова открыл глаза, декорации сменились. Вместо лапчатых елей он увидел закопченный потолок из грубо обтесанных бревен. В голове гудело, словно по ней ударили прикладом «Маузера», а тело казалось чужим и неповоротливым, как промокшая шинель.

– Полегче, американец, – раздался низкий голос где-то справа. – Ты пролетел через половину леса, прежде чем сосна решила тебя приютить.

Уильям резко дернулся, рука инстинктивно потянулась к поясу, но кобура была пуста. Рядом с кроватью на простом табурете сидел пожилой человек в поношенной охотничьей куртке. В руках он держал кружку с чем-то горячим, а на коленях у него спокойно лежал старый двустольный карабин.

– Кто ты? – хрипло спросил Би-Джей, приподнимаясь на локтях.

– Тихо, парень, тихо... – старик примирительно поднял пустые ладони, не сводя взгляда с окровавленного ножа в руке Бласковица. – Я не из тех, кто носит черепа на фуражках.

Уильям тяжело дышал, чувствуя, как адреналин жжет вены. Он медленно опустил клинок, но не спрятал его.

– Кто ты такой? – повторил он.

– Зови меня Хоффман. Я лесник в этих проклятых горах. Был им до того, как здесь всё заполонили серые мундиры, и надеюсь остаться им после того, как вы все перестреляете друг друга.

Бласковиц прищурился. Имя Хоффман ничего ему не говорило, и это было хорошо. В отличие от того несчастного Кесслера, чьи документы сейчас жгли ему карман, этот старик выглядел как человек, знающий каждую тропу в лесу, а не каждый устав вермахта.

Бласковиц жадно припал к кружке. Крепкий травяной отвар немного прояснил сознание.

– Замок... – Уильям прервался, закашлявшись. – Они подняли весь гарнизон. Кесслер мертв. У них там лаборатории, они оживляют мертвецов, это не просто слухи. – Мы знаем, – лицо егеря посуровело. – Тотенкопф превратил эти горы в проклятое место. Но теперь слушать будут тебя. Ты – живое доказательство.

Вдалеке, со стороны Вольфенштайна, послышался приглушенный лай собак и рокот моторов. Карательные отряды начали прочесывать подножие утеса.

– Тебе нужно уходить к деревне Вульфбург, – старик поднялся и достал из-под кровати сверток. – Там тебя встретят наши. Вот, я подобрал твой автомат, когда нашел тебя в ветвях.

Бласковиц попытался встать, но комната качнулась, а в боку отозвалась резкая, колющая боль – видимо, при падении он все же сломал ребро. Он тяжело опустился обратно на край кровати, чувствуя, как холодный пот выступает на лбу.

– Ты не дойдешь даже до опушки, сынок, – спокойно заметил старик, подбрасывая полено в небольшую печь. – Твое упрямство заслуживает медали, но сейчас оно твой злейший враг. Солдаты Тотенкопфа прочесывают основные дороги, а собаки ищут свежий след. Тебе нужно переждать пик облавы и дать телу хоть немного восстановиться.

Бласковиц сжал кулаки, глядя на свои разбитые костяшки, затем перевел взгляд на окно, по которому все еще барабанил холодный альпийский дождь. Он понимал, что старик прав. Выйти сейчас – значит просто подарить свою голову ближайшему патрулю.

– Ладно, – выдохнул Уильям, расслабляя плечи. – Час или два. Не больше.

– Вот и разумно, – кивнул егерь. – Спи. Я буду караулить у окна. Если в лесу хрустнет ветка не под копытом оленя, я тебя разбужу.

Бласковиц прислонился спиной к бревенчатой стене. Тяжелый, свинцовый сон навалился мгновенно, едва он закрыл глаза. Ему снились бесконечные коридоры Вольфенштайна, лица Кесслера и мертвецов в серой форме, но сквозь этот кошмар он чувствовал тепло печи и запах сушеных трав.

Прошло около трех часов, когда рука старика мягко, но настойчиво легла на плечо Уильяма. Бласковиц открыл глаза и мгновенно перекатился, уже сжимая в руке рукоять МР-40.

– Тише, – прошептал егерь. – Дождь кончился. Туман спустился в долину – это твой шанс. Но есть плохие новости: патрули СС перекрыли мост через реку.

Бласковиц прислушался к рокоту моторов за окном. Немецкая дисциплина не знала усталости: патрули уже стягивали кольцо, и мост наверняка превратился в непреступную крепость.

– Слушай внимательно, американец. Есть еще один путь, о котором немцы почти забыли. Прямо под нами проходят старые серебряные шахты. Они тянутся глубоко под руслом реки и выходят в заброшенном подвале лесопилки на окраине Вульфбурга. Там сыро, темно, и крепки могут рухнуть от любого чиха, зато ты пройдешь прямо под сапогами их патрулей. Если не боишься замкнутых пространств, это твой единственный шанс миновать кордоны живым.

– Шахты, так шахты, – произнес Уильям, затягивая ремень трофейного автомата. – В темноте я чувствую себя уютнее, чем в телеге с сеном.

Старик подвел его к массивному шкафу в углу хижины. Отодвинув его, он обнажил низкую дубовую дверь, окованную железом.

– Эти лазы старше самого замка, – прошептал егерь, вручая Бласковицу тяжелый масляный фонарь и запас спичек. – Серебро здесь вычерпали еще при Фридрихе, но туннели остались. Иди всё время по левой стене. Если услышишь гул воды прямо над головой – значит, ты под рекой. Выйдешь в подвале старой лесопилки на окраине Вульфбурга. И помни, американец: там, внизу, крепки давно гниют. Старайся не дышать слишком громко.

Бласковиц кивнул на прощание и нырнул в сырой зев подземелья. За его спиной дверь закрылась, и тяжелый шкаф со скрипом встал на место, отрезая звуки внешнего мира.

Глава 3: Холодный прием.

В шахте царила абсолютная, осязаемая тишина, нарушаемая лишь редким падением капель воды. Воздух был тяжелым, с привкусом старой пыли и окислившегося металла. Бласковиц зажег фонарь. Тусклый желтый свет выхватил из темноты подгнившие подпорки и ржавые рельсы для вагонеток, уходящие в бесконечность.

Через полчаса пути своды стали ниже, а сверху донесся глухой, вибрирующий рокот. Река. Многотонная толща ледяной воды неслась прямо над ним, отделенная лишь слоем скалы и древней кладки. В этот момент потолок жалобно застонал, и на плечо Уильяма упал кусок влажной глины.

Бласковиц шел вперед, ориентируясь на левую стену, как и советовал егерь. Однако вскоре путь преградила сплошная стена из перемешанной земли, щебня и обломков древних деревянных балок. Сверху продолжала сочиться вода, превращая завал в непроходимое месиво.

– Только этого не хватало, – проворчал Уильям, поднимая фонарь выше.

Он огляделся и заметил узкий лаз справа, уходящий резко вверх. Это был один из технических горизонтов, пробитых позже основных штолен. Би-Джею пришлось буквально втискиваться в проем, обдирая плечи о холодный гранит. Проползая несколько метров, он вывалился в небольшую сухую каверну, которая явно не использовалась десятилетиями.

Свет фонаря выхватил из темноты аккуратные штабеля деревянных ящиков, обитых потемневшей от времени медью. На крышках еще можно было разобрать клеймо с имперским орлом и даты: 1914–1916. Это был заброшенный склад снабжения еще времен Кайзера, спрятанный глубоко под землей и забытый после окончания Первой мировой.

Бласковиц подошел к ближайшему ящику и сорвал крышку ножом. Внутри, в промасленной бумаге, лежали длинные, хищные силуэты винтовок Mauser Gewehr 98 и тяжелые, обтянутые кожей подсумки. В соседнем ящике обнаружили массивные ручные гранаты – «кукурузины» образца 1915 года. Несмотря на возраст, благодаря сухости воздуха и качественной смазке, оружие выглядело так, будто его положили сюда вчера.

– Старая школа, – Би-Джей проверил затвор одной из винтовок. Металл отозвался четким, сухим щелчком.

Он бросил взгляд на свой МР-40, висевший на плече, и раздосадованно сплюнул. Немецкий автомат, который так выручил его в погребке, теперь был бесполезен. Мелкая каменная крошка и известковая пыль от взрыва забили ствольную коробку, а во время рывка через завал затвор намертво заклинило. В условиях, когда каждая секунда в бою могла стать последней, полагаться на оружие, которое может подвести в любой момент, было самоубийством.

Он быстро сменил свой МР-40 на чистую, пахнущую оружейным маслом винтовку, набил карманы патронами и зацепил за пояс пару тяжелых гранат. Это оружие было тяжелее и медленнее, но его пробивная мощь внушала уважение.

В дальнем конце каверны он обнаружил проход, ведущий к старой вентиляционной шахте. Поднявшись по ржавой лестнице, Бласковиц услышал наверху не только шум дождя, но и ритмичный гул работающих пил. Лесопилка была совсем рядом.

Бласковиц притушил фонарь и замер, вслушиваясь в звуки над головой. Сквозь толстые половицы доносился приглушенный смех и звяканье металла о фарфор. Солдаты чувствовали себя в полной безопасности – кто станет ждать гостя из заваленной сто лет назад шахты?

Уильям нащупал люк, ведущий из подвала в основное помещение лесопилки. Петли, изъеденные ржавчиной, могли выдать его в любую секунду, поэтому он поднимал крышку по миллиметру, затаив дыхание.

В помещении пахло свежими опилками и дешевым табаком. Двое солдат СС сидели за грубо сколоченным столом прямо под единственной работающей лампой. Один из них, откинувшись на спинку стула, увлеченно рассказывал о домашнем штруделе, жестикулируя вилкой. Второй лениво кивал, потирая затекшую шею.

Бласковиц бесшумно, словно тень, выскользнул из подпола. В его правой руке тускло блеснула сталь ножа Ганса.

– ...и вот тогда мать говорит ему: «Ганс, если ты не съешь это сейчас, я отдам это свиньям!» – со смехом произнес первый солдат.

Он не успел закончить фразу. Бласковиц возник за его спиной, одной рукой намертво зажав ему рот, а другой с хирургической точностью вогнав клинок под основание черепа. Солдат лишь коротко дернулся и обмяк.

Второй охранник замер, глядя на то, как глаза его товарища стекленеют, а из-под руки незнакомца в странной форме начинает течь кровь. Его рука инстинктивно дернулась к кобуре на поясе, но он был слишком медленным. Бласковиц, не вынимая ножа из первой жертвы, наотмашь метнул в него тяжелую фарфоровую кружку, стоявшую на краю стола.

Удар пришелся точно в переносицу, дезориентировав немца на долю секунды. Этого времени Уильяму хватило, чтобы преодолеть разделявшее их расстояние. Короткий, мощный удар кулаком в челюсть опрокинул солдата вместе со стулом, а через мгновение нож завершил работу.

В помещении снова воцарилась тишина, нарушаемая только монотонным гулом дождя по железной крыше и тиканьем настенных часов. Бласковиц вытер окровавленный клинок о мундир убитого.

Затем Бласковиц скользнул за дверь лесопилки, растворяясь в вязком тумане, который окутал Вульфбург. Ночной воздух был пропитан запахом мокрой земли и жженого угля. Он двигался осторожно, перемахивая через низкие заборы и прижимаясь к стенам сараев. Винтовка «Маузер» приятно тяжелила плечо – старое оружие казалось более уместным в этих декорациях старой Баварии.

Дом с красной черепицей у церкви был его целью, но путь к нему лежал через узкие переулки, где каждый скрип ставни мог стать смертным приговором. Бласковиц как раз пересекал чей-то огород, когда воздух прорезал резкий, гортанный выкрик офицера.

– Halt! Stehen bleiben!

Би-Джей замер за пленницей, слившись с тенью. В паре десятков метров от него, на небольшой площади за амбаром, в свете фар грузовика стояли трое местных жителей. Их тени, длинные и уродливые, ложились на каменную кладку. Офицер СС, небрежно поигрывая перчаткой, что-то рявкнул в лицо старику в поношенном пальто.

– Считаю до трех, – донесся холодный голос офицера.

Он медленно достал из золоченого портсигара папиросу и, не глядя на приговоренных, чиркнул спичкой. Огонек на мгновение выхватил из темноты его лицо – холерное, безразличное, словно высеченное из того же гранита, что и стены замка.

– Раз... – произнес он, выпуская первую струю сизого дыма.

Солдаты вскинули карабины, и звук взводимых затворов в ночной тишине прозвучал как щелчок взводимого капкана. Офицер посмотрел на кончик папиросы, будто проверяя, ровно ли она тлеет, и внезапно, не меняя ленивой интонации, бросил:

– Огонь.

Сухой треск залпа разорвал воздух прежде, чем эхо от первого числа успело затихнуть в лесу. Трое человек рухнули на землю одновременно, словно подрезанные невидимым серпом колосья.

Несмотря на кажущуюся расслабленность, он не терял бдительности. Затянувшись, офицер не замер на месте, а начал медленно прохаживаться вдоль линии света, держа руку на кобуре. Его взгляд, цепкий и холодный, постоянно сканировал темные углы двора и чердачные окна соседних домов. Он знал, что в лесах рыщет «американский призрак», и этот расстрел был не просто акцией устрашения, а приманкой. Офицер словно приглашал врага совершить ошибку, выдать себя вспышкой выстрела или неосторожным движением. Он курил, но его уши ловили каждый шорох, перекрывающий шум дождя.

Челюсти Бласковица сжались так, что зубы закрипели. Палец инстинктивно лег на спусковой крючок «Маузера». Один выстрел – и этот ублюдок с папиросой отправится в ад вслед за своими жертвами. Но Би-Джей видел, как расчетливо офицер подставляет под свет только свою спину, постоянно меняя темп шага. Это была ловушка для дилетанта.

– Клянусь, – прошептал он, глядя на неподвижные тела в луже крови. – я сожгу этот замок до основания.

Он заставил себя отвернуться и продолжил путь. Спустя десять минут, пропетляв между старыми сараями, он оказался у задней двери нужного дома. Из-под массивной дубовой двери пробивался слабый свет. Бласковиц трижды коротко постучал – пауза – и еще один удар.

Бласковиц замер, чувствуя, как холодное дуло пистолета упирается ему прямо в грудь. Женщина в строгом платье, с холодным взглядом и шрамом не мигала; её палец лежал на спусковом крючке с уверенностью человека, который привык убивать без колебаний.

Глава 4: Последняя ячейка.

– Стой, где стоишь, – прошептала она. Голос был сухим, как треск ломающихся веток. – Тот, кто пришел от егеря, должен знать, что он оставил в капкане на старой просеке. Говори, или эта ночь станет для тебя последней.

Уильям медленно поднял руки, стараясь не делать резких движений. В голове, всё еще тяжелой после обвала и долгого пути через шахты, всплыл образ старика в хижине и его тихий напутственный шепот перед тем, как шкаф закрыл путь назад.

– Он оставил там не лису, а свою надежду, – хрипло произнес Бласковиц. – И добавил, что серебро в этих горах давно кончилось, осталась только сталь.

На мгновение воцарилась тишина. Женщина внимательно всматривалась в его лицо, словно пытаясь разглядеть ложь в свете тусклой керосиновой лампы, стоявшей в глубине комнаты. Наконец она медленно опустила «Вальтер».

– Проходи быстрее, – она схватила его за рукав и затащила внутрь, мгновенно закрывая дверь на три тяжелых засова. – Тебя ищут по всему сектору.

Она жестом указала на стол, заваленный картами и какими-то деталями от рации.

– Меня зовут Грета. Мы – всё, что осталось от ячейки в Вульфбурге после вчерашних облав.

Бласковиц тяжело опустился на стул, чувствуя, как адреналин начинает отступать, оставляя после себя лишь свинцовую усталость и ноющую боль в сломанном ребре.

Бласковиц сделал глоток обжигающего отвара и обвел взглядом тускло освещенную комнату. Тишина, стоявшая в доме, казалась слишком глубокой для штаба сопротивления.

– Сколько вас осталось? – спросил Уильям, не сводя глаз с Греты. – В деревне, в лесах... на сколько стволов я могу рассчитывать?

Грета горько усмехнулась, убирая выбившийся локон со шрама.

– Ты видишь их всех, американец. Я, двое ребят в подвале и пара связных, которые, если повезет, еще не висят на фонарях. Диц методично вырезает нас, как опухоль. После сегодняшнего расстрела люди боятся даже дышать в сторону церкви.

Би-Джей поставил кружку на стол и подался вперед. Его лицо, иссеченное царапинами и вымазанное пороховой гарью, стало пугающе серьезным.

– Кесслер мертв, – глухо произнес он. – Он погиб в допросной, но успел дать мне шанс. И он погиб не зря.

Грета вздрогнула, услышав имя товарища, но Бласковиц не дал ей времени на скорбь.

– Послушай меня внимательно, – голос Бласковица стал тихим и резким. – То, что я видел в подвалах Вольфенштайна – это не новые танки и не секретные ракеты. Тотенкопф копается в могилах. Они называют это «Убер-солдат». Я слышал, как офицеры в допросной спорили о прототипах.

Он бессильно сжал кулаки, костяшки которых были сбиты в кровь.

– У меня нет чертежей, Грета. Саперы взорвали погреб прежде, чем я смог добраться до их архивов. Но мне не нужны бумаги, чтобы понять: если эта дрянь сойдет с конвейера, фронт рухнет за неделю. Обычные пули их не остановят – я видел, как один из таких «образцов» продолжал идти после того, как я всадил в него полубоймы.

Грета побледнела, переводя взгляд с измученного лица американца на дверь, за которой скрывался ночной Вульфбург.

– Ты что, говоришь о магии? – прошептала она.

– Я говорю о науке, лишенной рассудка, – отрезал Уильям. – И мне нужно всё оружие, которое у вас есть, чтобы остановить это, пока не стало поздно.

Грета тяжело вздохнула и посмотрела на дрожащее пламя лампы.

– Тебе нужно поспать, американец. В таком состоянии ты не боец, а мишень. Спускайся в подвал, там есть сухая солома и старые одеяла. Мы выставим дозор. Если Диц решит проверить этот дом, я успею тебя разбудить.

Бласковиц хотел было возразить, но тяжесть в веках и тупая боль в сломанном ребре были убедительнее любых доводов.

– Ладно, – хрипло согласился он. – Но разбуди меня за час до рассвета. Нам нужно подготовить план.

Спустившись по крутой лестнице в подвал, Уильям едва успел набросить на себя колючее шерстяное одеяло. Сон навалился на него прежде, чем голова коснулась импровизированной подушки из мешковины. Но отдых не принес облегчения.

Ночь превратилась в череду лихорадочных видений. Ему снился замок Вольфенштайн, но теперь это был не камень, а живое существо, пульсирующее багровым светом. Он снова видел Кесслера, который стоял в круге из древних рун, но вместо лица у него была стальная маска с линзами, светящимися мертвенно-голубым огнем.

– Ты не спас их, Би-Джей, – шептал голос Кесслера, перекрываемый скрежетом металла. – Ты просто привел смерть за собой.

Картинка сменилась. Теперь он стоял в лесу у Вульфбурга, но вместо сосен из земли росли костлявые руки в остатках мундиров. Офицер Диц медленно подносил папиросу к лицу, и в свете вспышки Бласковиц видел, что под кожей немца перекатываются шестеренки и поршни.

– Смотри на свое будущее, – произнес офицер, и за его спиной из тумана вышагнула огромная фигура в тяжелой броне.

У этого существа не было глаз, только приваренные к черепу камеры, а вместо правой руки – многоствольный пулемет, который начал медленно раскручиваться с противным воем.

– Бласковиц! Бласковиц, вставай!

Уильям резко сел, едва не задев головой низкий балочный потолок. Его рука мгновенно вцепилась в приклад «Маузера». В подвале было темно, лишь сверху, через щели в полу, пробивался тревожный серый свет начинающегося утра. Над ним стояла Грета, её лицо было бледнее обычного:

– Патрули СС начали поквартирный обход с собаками, скоро они будут здесь через.

Глава 5: Обвал под алтарем

Бласковиц стряхнул с себя остатки кошмара, чувствуя, как в кровь впрыскивается порция чистого адреналина. Сонливость исчезла, уступив место холодному расчету выживания.

– Сколько у нас времени? – спросил он, проверяя, легко ли ходит затвор «Маузера».

– Меньше десяти минут, – Грета быстро набрасывала на плечи темный плащ. – Патрули идут с двух сторон улицы. Собаки Дица взяли след еще у лесопилки, они знают, что ты в этом квартале. Если они найдут тебя здесь, деревню сожгут дотла.

Би-Джей кивнул. Он знал эту арифметику войны: один агент не стоит жизни целой деревни, но его смерть здесь не поможет никому.

– Веди, – коротко бросил он.

Когда они вышли из подвала, двое бойцов, о которых говорила Грета, уже натягивали поношенные шинели:

– Ганс, Фриц, берите патроны и уводите лошадей через задний двор к лесопилке, – распорядилась она. – Шумите как можно громче, пусть думают, что мы прорываемся к лесу.

Парни коротко кивнули Бласковицу – суровое мужское прощание тех, кто может больше не увидаться. Как только они выскользнули через заднюю дверь, Грета жестом приказала Уильяму лезть наверх:

– Они отвлекут внимание на себя, – пояснила она. – Пока эсэсовцы будут прочесывать конюшни, у нас будет шанс пройти по небу.

Они поднялись на чердак. Воздух здесь был сухим и пах старой пылью. Грета ловко вскарабкалась по приставной лестнице к слуховому окну и вытолкнула раму наружу. Холодный утренний туман мгновенно ворвался внутрь, оседая каплями на металле винтовки.

– Крыши в Вульфбурге стоят почти вплотную, – прошептала она, выбираясь на скользкую черепицу. – Главное – не задеть печные трубы, они здесь дышат на ладан. Нам нужно добраться до колокольни церкви, оттуда есть спуск в старые склепы.

Бласковиц последовал за ней. С высоты деревня казалась декорацией к мрачному спектаклю. Внизу, в разрывах тумана, уже виднелись резкие лучи фонарей и слышался залихватистый, захлебывающийся лай овчарок. Немцы действовали профессионально, методично вскрывая дом за домом.

– Стой! – Уильям схватил Грету за плечо и прижал к черепице.

Прямо под ними, на узкой улочке, остановился бронетранспортер. Из него вышел офицер Диц. Даже с такой высоты Бласковиц узнал его по характерной манере поправлять фуражку.

Офицер поднял голову, всматриваясь в туманные очертания крыш, и на мгновение Уильяму показалось, что их взгляды встретились.

– Они окружают церковь, – прошептал Би-Джей. – Диц не дурак, он понимает, куда ведут все тропы.

Бласковиц осторожно извлек из-за пояса массивную гранату образца 1915 года. Почерневшая от времени сталь была холодной и тяжелой. В голове Уильяма быстро созрел план: если он сейчас просто побежит, собаки Дица настигнут их через пару минут. Нужно было заставить врага смотреть в другую сторону.

– Видишь те тюки сена у конюшен на западной окраине? – прошептал Би-Джей, кивком указывая в сторону, противоположную церкви. – Как только рванет, патрули кинутся туда. Немцы до смерти боятся пожаров в таких тесных деревнях.

Грета посмотрела на гранату с сомнением.

– Этой штуке тридцать лет. Ты уверен, что она не взорвется прямо у тебя в руках?

– Раньше умели делать на совесть, – коротко бросил Уильям.

Он зажал корпус гранаты, с усилием вытянул шнур из рукоятки и замер на секунду, рассчитывая траекторию. Мышцы плеча отозвались резкой болью, напоминая о падении на ель, но Бласковиц заставил себя сделать мощный замах. «Кукурузина» пролетела над серыми крышами Вульфбурга, описывая высокую дугу, и исчезла в тумане.

Через несколько секунд тишину разорвал плотный, глухой хлопок. Старая взрывчатка сработала идеально. Над западными амбарами взметнулся столб рыжего пламени, моментально охватив сухую солому. Почти сразу завывла сирена, и до крыши донеслись крики офицеров и топот кованых сапог.

– Пошли! – скомандовал Бласковиц.

Пока солдаты Дица разворачивали бронетранспортер в сторону пожара, Би-Джей и Грета, словно две тени, перемахнули через конек крыши и скользнули к открытому окну церковной колокольни.

Внутри пахло ладаном и сыростью. Они быстро спускались по винтовой лестнице, пока не оказались в небольшом притворе, где за массивной статуей святого скрывался проход в склепы.

– Там внизу лежат бароны Вульфбурга, – Грета тяжело дышала, прижимаясь к холодному камню. – Диц боится этого места. Солдаты болтают, что по ночам из склепов доносятся звуки, которых не может издавать живой человек.

Внизу было темно и неестественно холодно. Свет фонаря выхватил из тьмы резные саркофаги и странные знаки, нанесенные на стены свежей краской.

Фонарь в руке Греты выхватывал из темноты оскаленные черепа на саркофагах, которые, казалось, насмехались над живыми. Пройдя через узкий лаз за поваленной статуей, они оказались в просторном зале, где между древних гробниц горело несколько тусклых масляных ламп.

– Свои! – негромко крикнула Грета, когда из тени колонн выступили две фигуры с карабинами наперевес.

Оружие опустили, но напряжение не исчезло. В центре зала, на расстеленной шинели, лежал молодой парень. Его нога была грубо перебинтована, а лицо приобрело землистый оттенок.

– Это Бласковиц, – представила Уильяма Грета. – Он из замка. Где остальные?

– Разбрелись по туннелям, – прохрипел раненый, приподнимаясь на локтях. – Но вам нельзя здесь оставаться. Солдаты... они зашли с южного входа, со стороны ратуши.

Бласковиц мгновенно проверил предохранитель своего «Маузера».

– Сколько их? – спросил он, присаживаясь рядом с парнем.

– Дело не в людях, американец, – глаза раненого расширились от ужаса. – С ними были техники в кожаных фартуках. Они тащили какие-то кабели и медные катушки. Возможно они ищут не нас... они что-то ищут в нижних ярусах.

Грета побледнела и посмотрела на Бласковица.

– Гробница основателей находится прямо под центральным алтарем церкви, – прошептала она. – Там захоронены те, кто строил первый фундамент Вольфенштайна. Легенды говорят, что они запечатали в камне что-то, чему лучше не видеть света.

– Если Диц притащил туда технику Тотенкопфа, значит, легенды его не пугают, – отрезал Уильям. – Грета, бери людей и уводи их через северный выход в лес. Я проверю, что эти ублюдки затеял внизу.

Бласковиц проводил Грету и партизан коротким кивком. Когда их шаги стихли в глубине туннеля, он остался один на один с тишиной склепа, которую изредка прорезал гул немецкого генератора.

Он двинулся вперед, прижимаясь к склизким стенам. Впереди, в зале основателей, плясали неестественные мертвенно-белые всполохи. Выглянув из-за массивной колонны, Уильям увидел безумную картину: Диц стоял перед исполинским саркофагом, а техники в кожаных фартуках лихорадочно соединяли кабели с медными кольцами, опоясывающими древний камень. Офицер что-то шептал, глядя на манометры, и его лицо в свете электрических разрядов казалось восковой маской.

Бласковиц перевел взгляд на потолок. Прямо над алтарем сходились тяжелые каменные ребра свода, которые держала одна-единственная центральная колонна, иссеченная трещинами от времени. Это была ахиллесова пята всего подземелья.

– Один подарок от старой гвардии, – прошептал Би-Джей, доставая последнюю гранату Кайзера.

Он понимал: если он просто бросит её в Дица, техников или саркофаг, это может не остановить процесс. Нужно было покончить со всем разом. Он быстро закрепил гранату в глубокой трещине у основания центральной опоры, обмотав рукоять куском сорванного со стены знамени.

Снизу донесся торжествующий крик Дица: – Контакт! Дайте полную мощность!

Воздух задрожал от низкочастотного гула. Плита саркофага скрежетнула, сдвигаясь на дюйм, и из щели пополз тяжелый черный туман. У Бласковица не оставалось времени на раздумья. Он выдернул чеку и, не оборачиваясь, бросился к узкому лазу, через который пришел.

– Halt! – рявкнул кто-то из охранников за спиной, заметив тень американца.

Вспышка выстрела осветила зал, пуля свистнула у самого уха Уильяма, но в следующее мгновение мир перестал существовать. Гром взрыва старой гранаты слился с оглушительным треском лопающегося камня. Центральная опора разлетелась в пыль, и многотонный свод церкви, не выдержав нагрузки, начал рушиться вниз, словно карточный домик.

Бласковица подбросило ударной волной и впечатало в стену узкого коридора. Сзади нарастал грохот обвала, погребаяющий под собой электрический гул, крики эсэсовцев и то, что пыталось выбраться из саркофага.

Пыль забивала легкие, мешая дышать, а в ушах стоял тяжелый, монотонный гул. Бласковиц зашевелился, чувствуя, как с его спины осыпаются осколки камней и вековая известь. Каждое движение отзывалось резкой болью в ребрах, но он был жив.

Над головой, в проломе рухнувшего свода, клубился дым, сквозь который пробивался холодный, безразличный луч луны. Церкви больше не существовало – остался лишь скелет из обгоревших балок и груды щебня. Уильям подтянулся на руках, цепляясь пальцами за выступы в кладке, и через несколько минут тяжелой борьбы выбрался на поверхность.

Зрелище, открывшееся ему, было достойно кисти Данте. Вульфбург пылал. Граната, брошенная в сено, сделала свое дело – огонь перекинулся на соседние дома, и теперь ночное небо

окрасилось в тревожный багровый цвет. По улицам метались тени солдат, слышались панические крики и гудки машин. Немецкая отлаженная машина дала сбой, захлебнувшись в хаосе, который посеял один-единственный человек.

Бласковиц подобрал свой «Маузер», чудом уцелевший при обвале, и, пригибаясь, двинулся прочь от руин церкви, используя дымовую завесу.

На окраине, там, где лес начинал свою темную власть над холмами, его ждали. Из тени сосен выступила фигура Греты. Она держала автомат наготове, но, узнав массивный силуэт Би-Джея, медленно опустила ствол.

– Мы думали, ты остался там, под камнями, – прошептала она, подходя ближе. Её лицо было перемазано сажей, а взгляд светился мрачным торжеством.

– Я не планировал там задерживаться, – хрипло отозвался Бласковиц, оглядываясь на пылающую деревню. – Что с Дицем?

Грета покачала головой: – Его штабной автомобиль проскочил мост за минуту до того, как рухнула колокольня. Он ушел в сторону замка. Но ты уничтожил то, что они искали в склепах. Это задержит их.

Уильям посмотрел вверх, туда, где на вершине утеса, словно кость, застрявшая в горле Европы, возвышался замок Вольфенштайн. Гроза затихала, и в чистом горном воздухе замок казался еще более зловещим.

– Это только начало, – произнес Бласковиц, проверяя оставшиеся патроны. – Диц, Тотенкопф, их железные монстры... всё это должно сгореть. Так же, как этот склад сена.

Грета посмотрела на своих немногих выживших товарищей, затем снова на Уильяма. – Куда теперь, американец?

– В замок, – отрезал Би-Джей. – У нас есть незаконченное дело.

Глава 6: Стальное сердце Вольфенштайна

Путь назад к замку лежал через крутые козьи тропы, которые Грета знала с детства. Туман здесь был таким густым, что Бласковиц едва видел собственные вытянутые руки. Подъем давался тяжело – каждое глубокое дыхание отзывалось вспышкой боли в груди, напоминая о рухнувшем своде церкви.

– Дальше я не пойду, – Грета остановилась у подножия массивной отвесной скалы, на вершине которой, словно корона дьявола, замер замок. – Видишь ту железную решетку? Это старый воздухопровод, он ведет напрямик в технические ярусы. Немцы перекрыли все входы, но об этой дыре они часто забывают.

Бласковиц поправил ремень «Маузера» и посмотрел на женщину:

– Ты сделала достаточно, Грета. Уводи людей к границе. Если я не выйду до рассвета – значит, не судьба.

– Удачи, американец, – она на мгновение коснулась его плеча. – Постарайся не просто выжить, а сжечь это место дотла.

Би-Джей начал подъем. Скользкие камни крошились под пальцами, а ледяной ветер пытался сбросить его в пропасть. Когда он наконец добрался до решетки, изнутри дохнуло жаром и запахом разогретого машинного масла.

Выломав подгнившие прутья, он протиснулся внутрь. Скрежет металла о металл казался ему громче грома, но шум огромных вентиляторов, работавших где-то в глубине, поглощал все звуки. Бласковиц оказался в узком жестяном коридоре, который вибрировал от мощи скрытых за стенами механизмов.

Сквозь прорези вентиляционной решетки в пол хлынул тяжелый, маслянистый свет прожекторов. Бласковиц замер, и его пальцы непроизвольно сжали холодную сталь «Маузера».

Внизу раскинулся цех, больше похожий на анатомический театр, скрещенный с литейным заводом. На стальных столах-ложементах лежали существа, в которых едва угадывалось

человеческое прошлое. Они не были одеты в броню – металл был внедрен прямо в них. Из развороченных грудных клеток и культей вместо конечностей торчали стальные штифты, медные катушки и пульсирующие резиновые трубки, по которым бежала мутная желтоватая жидкость.

Десятки техников в забрызганных кровью и маслом халатах суетились вокруг, лихорадочно сверяя показания осциллографов.

– Внимание! – раздался по громкой связи сухой, лишенный эмоций голос. – Доктор Штрассе прибывает в блок «Зигфрид» через пять минут. Подготовить первый образец к стресс-тесту. Подать напряжение на нейронные узлы.

В дальнем конце цеха с лязгом разошлись бронированные створки. Группа санитаров в респираторах выкатила массивную платформу. На ней, зафиксированное цепями, находилось нечто громоздкое. Это был лишь каркас – массивная экзоскелетная рама, внутри которой билось в конвульсиях живое тело, опутанное сетью электродов. Голова «образца» была скрыта под грубым стальным кожухом, из которого доносилось прерывистое, механическое хрипение.

Бласковиц почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это не было солдатом в привычном понимании. Перед ним был жуткий полуфабрикат, сырье, из которого Тотенкопф только собирался выковать свою непобедимую армию.

Бласковиц понимал: если эта тварь на платформе оживет, его миссия закончится здесь, в вентиляционной шахте. Он осторожно пополз вперед, ориентируясь на гул распределительного щита, который питал центральную часть цеха.

Прямо под ним, закрепленные на массивных кронштейнах, тянулись толстые, оплетенные стальной сеткой кабели. Они пульсировали в такт работе генераторов, подавая жизнь в металлический каркас «образца». Бласковиц достал нож. Сталь Ганса была достаточно острой, чтобы вскрыть изоляцию, но риск получить удар током в несколько тысяч вольт был велик.

– Давай, Уильям, вспомни учебку в Вирджинии, – прошептал он сам себе.

Он нашел место, где кабели сужались у распределительной муфты. Осторожно, стараясь не касаться заземленных частей шахты, Би-Джей просунул лезвие между фазами. Одним мощным, выверенным движением он полоснул по жилам.

Сноп ослепительно-белых искр ударил в лицо, на мгновение ослепив его. По цеху прокатился сухой, яростный треск, похожий на выстрел зенитки. Внизу взвыли сирены.

– Питание падает! – закричал кто-то из техников. – Нейронный шок у образца! Срочно подать резерв!

Бласковиц, шурясь от дыма, наблюдал за результатом. «Образец» на платформе зашелся в страшной, неестественной судороге. Кабели, подключенные к его позвоночнику, заискрились, а из-под стального кожуха на голове повалил едкий черный дым. Организм, лишенный стабилизирующего напряжения, начал буквально пожирать сам себя. Механические части экзоскелета заклинило, и послышался хруст ломаемых костей.

Через секунду из-за перепада напряжения вспыхнули резервуары с охлаждающей жидкостью в технической нише. Жирный химический огонь мгновенно окутал распределительный щит, отрезая техников от пультов управления.

– Пора спускаться, – процедил Бласковиц.

Бласковиц выбил ногами решетку и, дождавшись, пока густое облако химического дыма создаст плотную завесу, спрыгнул на металлический мостик второго яруса. Внизу воцарился контролируемый хаос: техники, спасая оборудование и собственные жизни, лихорадочно работали огнетушителями или бросались к аварийным выходам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.